

Взгляд Кан Линъи был пуст и печален, словно он, преодолев стоящего перед ним Сяо Сучао, видел те времена, наполненные болью. Она покачнулась, лишь прислонившись к резной колонне позади, смогла остаться на ногах. Уголки её губ искривились в горькой усмешке, что была хуже плача. Она перевела дух и вновь заговорила тихим голосом: «Нам с тобой суждено быть вместе, но без любви».

Каждое слово, казалось, с трудом вырывалось из самого кислого уголка её сердца, неся в себе груз многолетней усталости и отчаяния. Она слегка приподняла голову, не позволяя слезам, наворачивающимся на глаза, легко скатиться. Пытаясь подавить бурлящие эмоции, она продолжила: «Раз уж с самого начала было предрешено такое завершение, почему бы не сказать всё как есть, с самого начала?»

Прошлые запутанные переплетения мелькали перед глазами, словно прокручивающаяся картинка. Каждый момент был подобен острому лезвию, терзающему её сердце. Тогда она, полная энтузиазма, с самыми прекрасными надеждами на любовь, без колебаний бросилась в эти отношения, но и не предполагала, что окажется всего лишь второстепенным персонажем, случайно забредшим в чужую историю.

«Если бы ты с самого начала честно признался, что любишь Вэнь Луаньсинь, я, хоть и страдала бы, но это было бы лучше, чем быть в неведении раз за разом, подвергаясь этим необоснованным расчётам и ранениям», — голос Кан Линъи дрожал всё сильнее. К концу фразы она почти захлёбывалась словами: «Тогда ты смог бы исполнить своё желание и любить её полностью, без всяких сожалений. И Вэнь Луаньсинь не пришлось бы прилагать столько усилий, и мы трое... мы бы не оказались в таком положении».

Сяо Сучао выглядел страждущим, его губы шевелились. Через некоторое время он выдавил из себя: «Я... я тогда был ослеплён, обманут видимостью, не мог отличить правду от лжи. Вэнь Луаньсинь умела притворяться, она изображала перед мной жалкий образ. Я ошибочно принял фальшивую любовь за настоящую и глупо причинил тебе боль». Он сделал шаг вперёд, беспомощно поднял руки, а затем медленно опустил их. «Когда я увидел её змеиное сердце, всё было непоправимо. Твои слёзы, твоя боль — всё это стало кошмарами, от которых я не мог избавиться по ночам».

Кан Линъи чувствовала себя опустошённой, словно её опутали тысячи нитей, от которых невозможно освободиться. Каждая её жилка излучала глубокую усталость. Она слегка подняла руку, потирая лоб. На её лице было выражение раздражения и усталости, даже в голосе не осталось былой живости. «Как знаешь. Я устала, пойду спать». Сказав это, она направилась ко внутренним покоям. Её походка была шаткой, выдавая явную слабость.

Увидев это, Сяо Сучао встревожился. Он бросился вперёд и, не задумываясь, сказал: «Я провожу тебя...» Его заботливый тон безошибочно выдавал осторожность и желание угодить.

Однако Е Наньсянь опередил его, оказавшись между ними. Он стоял прямо, взгляд его был холоден, как у ястреба. Небрежно прервав Сяо Сучао, он сказал: «Не утруждайте себя, Президент Сяо. Моя сестра, естественно, лучше я сам её провожу». Сказав это, он повернулся, осторожно поддержал Кан Линъи, его движения были мягкими и полными заботы. Затем, с

холодным лицом, он посмотрел на Сяо Сучао, его слова были наполнены яростью и глубоким самоосуждением: «Раньше я только знал, что он растоптал твоё сердце, обесценил его. За последние два дня я ещё и глупо помогал ему, совершенно не видя его подлого нутра. Я действительно был ослеплён, позволив собственной сестре страдать в этой мерзкой ситуации. Это мой серьёзный провал как старшего брата, я перед тобой виноват». Каждое слово, казалось, вырывалось сквозь зубы, ненависть трещала в воздухе.

Лицо Сяо Сучао утратило прежнее холодное высокомерие. Теперь на нём было лишь безграничное страдание и измождение. Глазницы были глубоко запавшими, полными красных прожилок, словно он не спал много ночей. Он пристально смотрел на Кан Линъи, его взгляд, казалось, выгравировал каждую черту её лица в глубине своей души, пытаясь найти хотя бы малейшую мягкость.

«Вэнь Луаньсинь находится в психиатрической больнице, под строгим наблюдением. Она больше не сможет разрушать нашу жизнь, не сможет причинить тебе вред...» — голос Сяо Сучао был глухим и низким, с едва заметной дрожью. Казалось, одно лишь упоминание её имени истощало все его силы. «Линъи, позволь мне обнять тебя? Всего один раз, только один, я действительно больше не могу...» Говоря это, он медленно протянул руки. Его руки дрожали в воздухе, выдавая противоречивую смесь осторожности и нетерпения. Он невольно наклонился вперёд, словно тонущий человек, пытающийся ухватиться за последнюю спасительную соломинку.

Е Наньсянь мгновенно взбесился. Он сделал большой шаг вперёд, подобно несокрушимому щиту, плотно загородив Кан Линъи. Его обычно суровое лицо теперь казалось покрытым инеем, а взгляд — словно острые ледяные стрелы, вонзающиеся в Сяо Сучао. «Плохо!» — эти простые два слова были прокричаны Е Наньсянем так громко, что эхо разнеслось по пустынному залу, неся неоспоримую категоричность. «Тебе разве недостаточно причинить моей сестре страдания? За прошедшие годы они тебя измучили до состояния получеловека, полупризрака. Твоё сердце было растоптано в грязь, твоя духовная сила истощена, ты чуть не потеряла жизнь!» Е Наньсянь так разозлился, что его грудь сильно вздымалась. Он злобно указал пальцем на Сяо Сучао: «Когда ты был ослеплён Вэнь Луаньсинь, моя сестра тихонько залечивала раны в полной темноте. Каждая слеза, каждое отчаяние — всё это по твоей вине! И теперь ты приходишь сюда и говоришь такое? Думаешь, это ещё имеет смысл?» Он стиснул зубы, желая разорвать мужчину перед ним на тысячу кусков. Если бы не забота о Кан Линъи, не желая провоцировать новые проблемы, он бы уже давно пустил в ход кулаки.

От яростной тирады Е Наньсяня лицо Сяо Сучао стало белым, как бумага. Его губы шевелились, но он больше не мог произнести ни слова в своё оправдание. Он медленно опустил руки, застывшие в воздухе, и остался стоять на месте, потерянный, полный горечи и отчаяния. Только сейчас он по-настоящему осознал, что совершённые им ошибки были, словно бездонная пропасть, пролёгшая между ним и Кан Линъи, и преодолеть её было невероятно трудно.

Кан Линъи закрыла глаза и слегка потянула брата за край одежды: «Брат, всё, хватит. Не сердись, не навреди себе». Её голос звучал слабо, словно из неё вытянули всю жизненную силу. Открыв глаза, она посмотрела на Сяо Сучао пустым и равнодушным взглядом: «Прошлого я больше не хочу вспоминать. Впредь... не беспокой мой покой». Сказав это, она взяла Е Наньсяня под руку и, шатко пошатываясь, направилась во внутренние покои.

Каждый её шаг был для Сяо Сучао настоящей пыткой. Он смотрел на её тонкую, удаляющуюся фигуру и внезапно почувствовал, что огромная Секта Лазурных Облаков стала холодной, как ледяной погреб, пробирая до костей. Когда они полностью исчезли из виду, Сяо Сучао, словно очнувшись ото сна, растерянно повернулся и, спотыкаясь, пошёл прочь.

В последующие несколько дней Сяо Сучао заперся в тёмной комнате, ничего не ел и не пил. Перед глазами раз за разом представало решительное и скорбное лицо Кан Линъи. Наконец, он резко поднялся, в его глазах зажглась искорка решимости. Он решил действовать. Раз Кан Линъи заботилась о восстановлении духовной силы и заботе о здоровье, он отправится на край света, чтобы найти все редкие духовные сокровища и божественные лекарства мира. Даже если останется малейшая надежда исправить прошлое, он готов рискнуть всем, попытаться, даже если придётся потратить остаток жизни, чтобы постучать в её закрытую дверь сердца и добиться хоть проблеска света.

В роскошном и мощном Майбахе, принадлежащем Е Наньсяню, атмосфера была удушающе напряжённой. Кан Линъи, бледная, с слегка дрожащими губами, первой нарушила молчание: «Шуэр тебе всё рассказала?» Её взгляд был устремлён на Е Наньсяня, в глазах таилось некоторое напряжение и надежда. Казалось, она ждала, что брат узнает всё прошлое, но боялась, что эти страдания будут вновь вскрыты.

Лицо Е Наньсяня помрачнело. Вспомнив всхлипывания Шуэр, он почувствовал раздражение. «Шуэр сказала мне, что по дороге обратно Гу Сюхань, как назло, начал говорить о тех неприятностях трёхлетней давности. Шуэр тут же изменилась в лице и даже не хотела с ним разговаривать. Позже её терпение полностью иссякло. Я понял, что между тобой и Гу Сюханем всё гораздо сложнее, чем я представлял». Он крепко сжал руль, костяшки пальцев побелели от напряжения. Он корил себя за прежнюю невнимательность.

Кан Линъи горько усмехнулась, в её глазах закипела ненависть: «А Шуэр тебе рассказала вторую часть? Тогда Сяо Сучао, совершенно пренебрегши чувствами, бросил меня, словно мусор, в тот смертоносный Меч-формацию. Я там ждала смерти в отчаянии, а он хладнокровно наблюдал. В то же время враги, которых нажила Вэнь Луаньсинь, пришли за ней и послали людей убить её. Гу Сюхань, чтобы защитить Вэнь Луаньсинь, в спешке схватил Шуэр и буквально вытолкнул её вперёд, чтобы та прикрыла собой Вэнь Луаньсинь и Линь Ваньжу. Я до сих пор не могу забыть тот момент. Один удар едва не задел её духовный корень, всего три миллиметра. Другой удар жестоко вонзился в ключицу. Из-за этого несчастья Шуэр побывала на грани смерти, вырвавшись из лап Яньло, но её меридианы были закупорены, духовный корень рассеян. Жизнь её была разрушена ими!»

Кан Линъи полулежала на мягком сиденье Майбаха, её вид выражал усталость и решительность. Глаза её были пусты, словно два глубоких высохших колодца. Прошлые страдания, словно тонкие нити тумана, постоянно поднимались из её глаз. Она перевела дух и тихо заговорила, голос её был лёгок, как пламя свечи на ветру, но с неоспоримой уверенностью: «Я тогда прыгнула с уступа не из-за импульса, и уж точно не просто чтобы умереть. Там был заложен долгосрочный план. Главное — посеять в Сяо Сучао семя страха. Если он в будущем снова задумает причинить вред семье Е, он будет вынужден вспоминать сцену моего прыжка с уступа — клевету, одиночество, отчаянную, но решительную смерть. Эта глубоко запечатлевшаяся в памяти предостережение, возможно, даст семье Е немного пространства для маневра». Сказав это, она, словно исчерпав все силы, слегка закрыла глаза.

Через мгновение в её глазах сверкнула резкость: «Кроме того, где мой Веер Изгнания? Я получила его с большим трудом в прошлом, он мог бы стать страховочной картой в решающий момент. Его нельзя терять».

Лицо Е Нансяня было мрачным, как вода. Он так крепко сжимал руль, что он заскрипел. Думая о страданиях сестры за эти годы, он чувствовал, как огонь сжигает его сердце. «Он у Ло Юнь. Тогда ситуация была слишком хаотичной, повсюду таились опасности. Я долго думал, Ло Юнь — человек с острым умом и надёжный. Передать ей было самым разумным решением. Я специально наказал ей хранить его бережно. Думаю, Веер Изгнания находится у неё в безопасном месте, проблем не будет».

Пейзаж за окном стремительно проносился мимо, но, казалось, никак не мог развеять прежнюю тень. Кан Линъи долго молчала, затем снова тихо сказала: «Брат, одних воспоминаний, чтобы держать Сяо Сучао в страхе, недостаточно. Мы должны действовать активно. Сейчас Шуэр больна, этот долг нужно отомстить. Сяо Сучао ищет повсюду целительные предметы, мы можем притвориться, что сотрудничаем, заманить его в ловушку, использовать возможность, чтобы опустошить его казну и сначала вылечить Шуэр».

Е Нансянь решительно кивнул, в его глазах была решимость и согласие: «Вот так и поступим! Этот ублюдок Сяо Сучао должен нам, и мы обязательно заберём своё с лихвой. Гу Сюхань тоже не сможет остаться в стороне. Он так навредил Шуэр, я обязательно заставлю его заплатить высокую цену. Когда Шуэр поправится, мы рассчитаемся по старым и новым долгам вместе, пусть они все заплатят за свои прошлые злодеяния!»

Машина неслась по направлению к цели, поднимая пыль. Это было похоже на их неукротимое желание мести, стремившееся навстречу неизвестному и изменчивому пути. Каждый рёв двигателя был, словно призыв к битве, ожидающий подходящего момента, чтобы нанести смертельный удар врагу.

Кан Линъи слегка прищурила свои длинные узкие глаза. Жестокость в её взгляде подобна ядовитому блеску, мерцающему в ночной тьме, без всякого прикрытия. Её взгляд, казалось, мог прожечь дыру в воздухе вокруг. Она наклонилась вперёд, голос её был холодным и нетерпеливым: «Брат, нет нужды ждать, пока Шуэр полностью поправится. Мы достаточно терпели! Завтра ты дашь Фэн Юю и остальным выходной, и мы отправимся прямо в семью Линь». Она сжала кулаки, вены на тыльной стороне руки вздулись. Вся её обида сконцентрировалась в этом сжатии.

Е Нансянь приподнял бровь, чутко уловив необычную спешку сестры, и с любопытством спросил: «Завтра? Так внезапно, наверняка есть причина. Ло Юнь передала тебе что-то важное, что ты даже не хочешь ждать времени на подготовку?» Он слишком хорошо знал Кан Линъи. Без полной уверенности она никогда бы не решилась так безрассудно штурмовать семью Линь.

Кан Линъи криво усмехнулась, от её губ исходил холод: «Разве не доказательства тех лет! Столько лет нас топтали, ранили стрелами, а мы не могли предъявить доказательств. Теперь, когда доказательства в руках, можно ли сидеть спокойно? Наша поездка — это открытое

обвинение, мы по праву начнём разбираться в старых долгах, сорвём лицемерные маски семьи Гу, чтобы показать их истинное лицо!» Она сделала паузу, в её глазах зажгли искорки возбуждения: «К тому же, мой шпион сообщил, что завтра все важные фигуры семьи Гу будут в старом доме. Это идеальное время, чтобы схватить их всех разом, нельзя упускать!»

Взгляд Е Наньсяня мгновенно стал острым, как у орла. На его губах появилась довольная улыбка. Он эффектно щёлкнул пальцами: «ОК! Я тоже давно ждал возможности разобраться с этими ублюдками. Завтра мы обязательно дадим понять этим парням из семьи Гу, что мы не так просты. Долги рано или поздно придётся отдать с лихвой!» Сказав это, он нажал на педаль газа, и машина помчалась в сторону дома семьи Е, словно нетерпеливо ожидая начала этой запоздалой расплаты.

Когда Кан Линъи и Е Наньсянь вихрем вошли в дом семьи Е, Е Ваншу была свернувшись калачиком на диване в гостиной, довольная, словно ленивая кошка. Она уже сняла изящное, но сковывающее платье. Её лицо после снятия макияжа выражало некоторую чистоту и наивность. Свободная домашняя одежда была небрежно накинута на неё. Ноги скрещены, а на коленях удобно лежала пачка чипсов. Глаза были прикованы к экрану телевизора, и она время от времени засовывала один чипс в рот, хрустя им.

Услышав движение у двери, Е Ваншу повернулась и увидела вернувшуюся сестру. Она тут же бросила чипсы и, словно милый комочек, протяжно позвала с ласковой интонацией: «Сестричка~» Её мягкий голос, казалось, мог растопить чьё угодно сердце.

Кан Линъи ожидала тёплых, исцеляющих объятий от сестры или нескольких ласковых слов. Но, к её удивлению, Е Ваншу тут же выпалила: «Сестра, одолжи мне немного денег, пожалуйста. У меня больше нет денег, чтобы заплатить зарплату». Её безапелляционный тон разбил все ожидания Кан Линъи, превратив сюрприз в шок.

Кан Линъи нахмурилась, не желая вступать в разговор, и молча прошла в спальню, чтобы снять макияж. Через полчаса, неведомым образом, сёстры с удивительной синхронностью переоделись в одинаковую домашнюю одежду и приняли идентичную позу, усевшись в ряд на диване напротив Е Наньсяня, уставившись друг на друга.

Е Ваншу первой нарушила тишину, не отступая от своей цели: «Сестра, неужели совсем нет денег? Моё дело полностью зависит от этих денег, чтобы оживить его». Кан Линъи, даже не подняв глаз, твёрдо ответила: «Денег нет».

Е Наньсянь тоже пожал плечами, выражение его лица выражало беспомощность: «У меня тоже нет. Не смотри на меня».

Услышав это, Е Ваншу немедленно прижала чипсы к себе и обиженно пробурчала: «Нет денег, так нет. Сестра, зачем ты отбираешь мои закуски?»

Кан Линъи приподняла брови, протянула руку, чтобы взять чипсы, и поддразнила: «Мне нравится смотреть, как ты защищаешь свои закуски. Твой взъерошенный вид такой забавный».

Е Ваншу притворилась сердитой и сделала вид, что хочет ударить сестру. Гостиная мгновенно наполнилась их смехом и шутками, временно развеяв прежнюю напряжённую атмосферу.

Е Ваншу мгновенно опустила голову, глаза её быстро покраснели, она была похожа на промокшую под дождём собачку. Её обида просто переполняла. Сначала она украдкой подняла глаза, робко взглянула на Кан Линъи, её взгляд был влажным, словно безмолвное обвинение. Увидев, что сестра не реагирует, она просто придвинулась ближе, уткнувшись своим маленьким личиком, полным жалости, прямо в глаза Кан Линъи. Её ноздри слегка дрогнули, она начала всхлипывать, сдерживая слова, её вид, казалось, мог растопить любое сердце.

Кан Линъи, в конце концов, не смогла устоять. Она тихонько вздохнула, её тонкая рука забралась в ту самую сумочку из крокодиловой кожи, пошарила там, достала чёрную карту и протянула вперёд: «Вот, возьми, заплати зарплату. И ещё, принеси сюда бухгалтерские книги Дворца Духа. Я хочу посмотреть, как идут дела в последнее время, чтобы иметь представление».

Глаза Е Ваншу мгновенно заблестели. Она схватила чёрную карту, но её ноги словно приросли к полу. Она моргнула большими влажными глазами и немедленно начала жаловаться, раскачивая руку Кан Линъи, мягко пробурчала: «Сестра, ты слишком жестока! Я думала, я для тебя самая надёжная. Никогда бы не подумала, что ты мне не веришь. Если не веришь, то ладно, но ты ещё и проверять книги хочешь. Я чувствую, что для тебя я не стою и мизинца, совершенно не заслуживаю доверия».

Кан Линъи рассмеялась. На её губах появилась лёгкая улыбка. Она бросила взгляд на сестру, в её глазах читалось всепонимающая мудрость: «Хватит этой игры. Я знаю твои маленькие хитрости. Иди скорее, не тормози. Твоя игра сейчас лучше, чем у Ло Юнь».

Е Ваншу тут же обиделась. Она тут же отпустила руку, надулась и отскочила на шаг назад, положив руки на бёдра и запрокинув голову, возразила: «Сестра, ты не можешь так говорить! Ло Юнь такая невинная. Я испытываю искреннее негодование, это реальные чувства, а не игра. Ты говоришь так, и это нанесёт ей непоправимый ущерб».

Е Наньсянь, расположившись на отдельном диване, небрежно болтал ногой, играя серебряной зажигалкой, время от времени открывая и закрывая её с ясным щелчком. Он смотрел на перепалку сестёр, улыбка на его губах становилась всё глубже. Он не собирался вмешиваться, просто наслаждался этим забавным домашним мини-спектаклем.

Е Ваншу, поняв, что от сестры большего не добиться, быстро сменила цель. Она рванула к Е Наньсяню, который как раз собирался выходить, схватила его за руку, жалобно запрокинула голову вверх и пожаловалась: «Брат, посмотри, посмотри на неё! Я уже так страдаю, а она всё упорствует, не верит мне. У меня здесь в доме совершенно нет доверия, это так обидно». Сказав это, она понарошку приложила тыльную сторону руки к глазам, хотя слёз не было.

Кан Линъи раздражённо закатила глаза, указала пальцем на Е Ваншу и объяснила: «Я не то чтобы тебе не верю. Карту же дала. Я просто хочу посмотреть, как идут дела с доходами

Дворца Духа. Это же обычная операция для главы семьи. Почему это стало неверием тебе? Не вешай на меня ярлыки».

Е Нансянь, оказавшись между ними, посмотрел на жалующуюся и притворяющуюся сестру, затем на сестру, изображающую гнев. Он беспомощно пожал плечами и осторожно отцепил руку Е Ваншу от своего предплечья, смеясь и плача: «Вы обе замышляете одно и то же, я не могу вмешаться. Шуэр, не смотри на меня. В этом деле я совершенно бесполезен. Если твоя сестра хочет проверить книги, просто подчинись и не тяни время». Сказав это, он направился к двери, боясь снова попасть в этот маленький семейно-сестринский конфликт.

Е Ваншу неохотно согласилась, повернулась и пошла в кабинет, тихо бормоча: «Смотреть книги, смотреть книги, только и знают, что смотреть книги. Я ведь не транжирю...» Через некоторое время она вернулась с несколькими толстыми бухгалтерскими книгами и бросила их на диван: «Сестра, всё здесь. Смотри сколько хочешь». Кан Линъи одарила её взглядом и открыла книгу. Её взгляд тут же стал острым.

Кан Линъи открыла бухгалтерскую книгу. Сначала она лишь небрежно скользила взглядом, но чем больше читала, тем сильнее хмурилась, её лицо постепенно становилось мрачнее. Вскоре она резко швырнула книгу на стол с громким «па!» и, подняв глаза, посмотрела на Е Ваншу с недоверием: «Сестричка, ты можешь мне объяснить, почему зарплата Жун Цзюэ за первый месяц составила минус тысячу с чем-то? Я доверила тебе управление Дворцом Духа, а ты вот так им управляешь?»

Е Ваншу вздрогнула от внезапного вопроса, сжалась, её взгляд метался, и лишь через некоторое время она тихо пробормотала в ответ: «Ну, это потому, что у неё слишком много работы. Она мне то не даёт делать, то не даёт. Даже когда я иногда ленилась на работе, занималась ерундой, она не разрешала. Она контролировала больше, чем ты. Я не могла проглотить эту обиду, поэтому...» Чем дальше она говорила, тем тише становился её голос, и в конце его почти не было слышно.

Кан Линъи покраснела от гнева. Она "вскочила", решительно поставив руки на пояс, заставив подол её одежды шелестеть. Она пошла лёгкими шагами прямо к Е Ваншу, нависая над сестрой. Её взгляд, казалось, горел двумя язычками пламени, мгновенно обжигая окружающий воздух. Затем она резко повысила голос и спросила: «Так ты ей зарплату удержала? Ты хоть подумала, кто устроил Жун Цзюэ во Дворец Духа? Это я её выбирала, считая, что она сможет помочь тебе и вести тебя в управлении Дворцом Духа!»

Сказав это, Кан Линъи глубоко вдохнула, замедлив темп речи, но её тон оставался строгим: «Она работает тщательно и ответственно, это очевидно редкое достоинство. Ты не только не учишься у неё, но и из-за такой мелочи нанесла такой удар, удержав деньги. Как у тебя вообще устроена голова? Я действительно не понимаю!»

Она сделала паузу и приказала без всяких возражений: «Немедленно увеличь зарплату Жун Цзюэ до двенадцати тысяч. Сейчас же, немедленно, свяжись с финансовым отделом Дворца Духа, чтобы уладить это. Не тяни время! Жун Цзюэ — ученица Ло Юнь. Её профессиональные навыки безупречны. Если ты хочешь, чтобы Дворец Духа работал гладко, удержи её!»

<http://bllate.org/book/19648/1932201>